

АРХИМАГ

КНИГА ПЕРВАЯ. РОЖДЕНИЕ

18+

Максим Максименко

Архимаг. Рождение

<https://litres.ru/74363244>

SelfPub; 2026

Аннотация

Девяностые. Обычная школа, обычный двор и правила, по которым слабому остаётся только не попадаться сильным на глаза.

Дмитрий всегда знал своё место в этом мире. Но однажды привычные правила перестали работать. Опасность словно начала отступать перед ним, случайности — становиться слишком своевременными, а вещи — подчиняться его воле.

Теперь ему предстоит понять, кто он и что с ним происходит. И постараться сохранить это в тайне — потому что внимание окружающих может оказаться опаснее тех, кого он ещё недавно боялся.

Эта вселенная появилась не как замысел одной книги. Долгое время она существовала только в моей голове, постепенно обрастая мирами, героями и собственными законами. Начать я решил с истории Дмитрия — с мира, который нам привычен, и с человека, которому ещё только предстоит стать частью чего-то большего. В какой-то момент я осознал, что эта вселенная не должна исчезнуть вместе с моей головой. Так появилась первая книга — и решение наконец поделиться ею с друзьями.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Максименко

Архимаг. Рождение

Пролог

Он шел вперед... Каждый шаг отдавался чередой ощущений: утрата, воспоминание, горечь, разлука, надежда. Шаг... Место, бывшее ему домом, оставалось позади навсегда. Шаг... Сила, жившая в его душе - исчезала. Накатила глухая тоска и чувство безысходности, словно теряешь близкого, родного человека. В каком-то смысле, так оно и было - он терял себя. Шаг... Сила, наполнявшая тело - рассеивалась. Плечи сгорбились, принимая на себя тяжесть прожитых лет, шаги стали тяжелее. Шаг... Даже посох, его верный спутник - рассыпается в пыль, теряя силу. Он снял со спины сучковатую палку, чтобы опереться о неё - предвидел, что посох, который прошел с ним так много, тоже останется в прошлом. Шаг... Пустота, будто небесный кракен, запустила щупальца в память и ворошит её.

Вот детство: хижина лесоруба и тяжелая работа вместо детства. Его отец зарабатывал на жизнь тем, что собирал валежник в лесу. Жили впроголодь и приходилось трудиться, чтобы выжить.

Вот юность: интернат при Ордене - учеба и дисципли-

на. Его забрали из семьи, едва исполнилось семь лет. Магистр совершенно случайно обратил на него свой благородный взор и увидел потенциал. Порядки в интернате были очень суровыми, но наука давалась легко, а осознание того, что его семья получила довольствие и квартиру в цитадели Ордена, заставляло его проявлять небывалое усердие.

А вот зрелость: сражения и смерть. Быть бы ему ученым при университете Ордена, писать ученые трактаты да обучать студиязусов, но нет - из-за рубежей пришла война и мрак. Варвары, уничтожающие все то, что так трепетно лелеяла и приумножала страна. Пришлось молодому магистру оставить уютные стены цитадели и замарать душу в крови и боли.

Видения прошлого начали отступать - постепенно пустота заполнялась. Появлялись проблески чего-то нового, яркого и незнакомого. Пробивались звуки, резкие, злые, что-то смутно напоминающие.

Утратив многое, почти все - он завершил путь, который разум отказывался воспринимать.

От резкого и злого солнца глаза залили слезы, по ушам ударил дробный грохот, тело дернулось. Он с удивлением почувствовал то, чего не чувствовал, казалось, целую вечность - боль. Пальцы рефлекторно пробежались по палке, заменившей ему посох, но не нашли там того, что искали. Земля ушла из-под ног и он упал, осознавая, что умирает. Последнее, что он увидел - была кровь, которая пропитыва-

ла его прекрасную и строгую мантию магистра и почувствовал сожаление...

Глава 1

— Дима! Домой пора!

Голос тёти Зины пронёсся над двором, ударился о стены панельных девятиэтажек и затих среди хлопающих дверей подъездов, скрипа старых качелей и далёкого собачьего лая. Ответа не было.

— Маринка, ты Диму не видела?

Девчонка на качелях перестала отталкиваться ногой от вытопанной земли и охотно прокричала:

— Видела! Он на стройку побежал!

— Опять на эту стройку... Вот паразит.

Дима этого уже не слышал. Он давно миновал гаражи, пересёк пустырь и пролез через знакомый пролом в бетонном заборе.

Микрорайон заканчивался почти сразу за последним рядом домов. Дальше начиналась ничья земля — несколько огромных пустырей, разделённых грунтовыми дорогами, теплотрассой и длинными рядами гаражей. Ещё недавно здесь собирались построить новые кварталы. Успели вырыть котлованы, забить сваи и поднять несколько бетонных коробок, а потом стройка остановилась. Из неё исчезли рабочие, краны и грузовики, но остались груды плит, ржавеющие трубы и дома без крыш, окон и лестничных ограждений.

За несколько лет пустыри заросли бурьяном выше чело-

веческого роста. В котлованах скапливалась зелёная вода, между плитами пробивались молодые деревца, а разбросанные кабельные катушки постепенно растаскивали на дрова. Взрослые ходили сюда с тележками за кирпичом и металлом, подростки курили в подвалах, а пацаны помладше лазили по этажам и устраивали штабы в комнатах, которые никогда не стали квартирами.

Для Димки стройка давно сделалась продолжением двора — только просторнее и гораздо интереснее. Здесь можно было искать среди мусора цветные стёкла и непонятные железки, ходить по узким бетонным балкам, смотреть с верхних этажей на весь микрорайон или просто сидеть в одиночестве. Дома всегда кто-нибудь звал, спрашивал или требовал не мешаться под ногами. Во дворе обязательно находилась тот, кому хотелось показать перед остальными, какой он крутой. На стройке же можно было забраться достаточно далеко, чтобы о тебе на несколько часов забыли.

Днём здесь ещё крутились пацаны, но к вечеру недостроенные дома пустели. Ветер начинал гудеть в чёрных оконных проёмах, где-то размеренно стучал незакреплённый лист жести, а голые этажи один за другим растворялись в сумерках. Других эта тишина пугала. Диме она нравилась.

Сам он нравился далеко не всем, но давно перестал считать это своей проблемой.

Он был выше многих одноклассников и крепче, чем казался со стороны. Постоянные походы на стройку развили

в нём цепкость и осторожность: он легко подтягивался на бетонных перекрытиях, мог долго бежать, не сбивая дыхания, и почти никогда не падал там, где другой поскользнулся бы или не удержал равновесия. Но драться Дима не любил и спортивных подвигов не совершал, поэтому в школе его считали если не слабым, то каким-то неопределённым. Сильным признавали того, кто свою силу регулярно демонстрировал. Желательно — на ком-нибудь другом.

Димка был умнее большинства ребят, хотя сам определил бы это иначе. Он просто быстрее понимал некоторые вещи и слишком часто замечал то, чего предпочитали не замечать остальные. На уроках ему порой хватало нескольких минут, чтобы разобраться в новой теме, после чего мысли начинали блуждать сами по себе. Учителя принимали это за невнимательность. Одноклассники — за тормознутость. Объяснить им разницу было невозможно, да он и не пытался.

Взрослые вообще странно понимали детский ум. Умным считался ребёнок, который получал пятёрки, не спорил и вовремя произносил то, что от него хотели услышать. Если же ребёнок задавал лишние вопросы, замечал противоречия или не соглашался с очевидной глупостью, ум куда-то исчезал. Вместо него появлялись «трудный характер», «невоспитанность» и обязательное обещание поговорить с родителями.

Среди сверстников всё было ещё проще. Ум мог принести пользу, если требовалось дать списать контрольную, при-

думать надёжную отговорку или починить магнитофон. Сам по себе он ничего не значил. Двор уважал другие качества: громкий голос, готовность первым ударить и наличие старшего брата, которого можно было позвать, если первый удар оказался неудачным.

Когда-то Дима пытался доказывать, что прав. Потом заметил, что правота и победа вообще редко связаны между собой. Можно было привести десять разумных доводов и всё равно получить по шее от человека, у которого не нашлось ни одного. После этого спор обычно считался законченным, причём победителем объявляли не того, кто оказался прав.

Это открытие не сделало его трусом - оно сделало его молчаливым.

Дима разговаривал, когда было что сказать, отвечал на вопросы и иногда даже шутил, но почти никогда не рассказывал о том, что действительно его занимало. Не потому, что вокруг не было хороших людей. Просто любое объяснение требовало доверия, а доверять он пока никому особенно не научился. Взрослые выслушивали вполуха и торопились дать простой совет. Сверстники могли превратить любое признание в кличку или повод для насмешки. Постепенно он привык оставлять мысли при себе.

Со стороны это выглядело замкнутостью. Возможно, так оно и было.

Одиночество его не тяготило. Во всяком случае, Димка привык так считать. Здесь, среди брошенных домов, никто

не требовал соответствовать непонятным правилам. Бетонной плите было безразлично, насколько уверенно ты говоришь. Ржавой лестнице — сколько у тебя друзей. Если ты неверно ставил ногу, то падал независимо от своего положения во дворе. Если выбирал правильную опору — удерживался.

Стройка была опасным местом, но, хотя бы, честным.

Наверное, именно поэтому Дима возвращался сюда почти каждый день.

Он сидел на бетонной трубе возле крайнего дома и ковырял носком кеда щебень, когда со стороны гаражей донеслись голоса.

Сначала Дима даже не насторожился. На стройку часто приезжали какие-то мужики: вытаскивали металл, грузили в машины уцелевшие доски или просто пили водку подальше от дома. Иногда они орали друг на друга, иногда дрались, и во всё это лучше было не лезть. Он уже собирался уйти вглубь стройки, но один из голосов дрогнул так сильно, что Димка невольно прислушался.

— Я отдам. Клянусь, отдам. Дайте ещё неделю.

В ответ кто-то сказал несколько слов — тихо, почти спокойно. Разобрать их Дима не сумел.

Любопытство пересилило осторожность. Он соскользнул с трубы, пригнулся и пробрался между бетонными блоками к расчищенному пятачку возле гаражей. Отсюда голоса были слышны отчётливо, а сам он оставался скрыт грудой плит.

На пяточке стояли четверо мужчин. Двое носили длинные чёрные кожаные куртки, ещё двое держались чуть позади. У одного на плече висел автомат. Рядом с ними на коленях стояли два человека в тёмных костюмах.

Один выглядел так, как обычно выглядели мужчины, выходявшие из новых иномарок возле рынка: чистое пальто, белая рубашка, блестящие туфли. Он тяжело дышал и непрерывно вытирал платком мокрое лицо. Второй сидел, опустив голову. Его костюм был мятым и словно чужим: пиджак висел мешком, брюки собирались складками над грязными ботинками. Дима решил, что человека уже били.

Мужчина в кожаной куртке посмотрел на того, который вытирал лицо.

— Смотри внимательно.

Он снял автомат с плеча и шагнул ко второму пленнику.

Тот поднял голову. На мгновение Димка увидел заросшее серой щетиной лицо и совершенно непонимающий взгляд. Человек, кажется, хотел что-то спросить, но не успел.

Короткий глухой хлопок ударил между бетонных стен.

Дима вздрогнул всем телом и едва не вскрикнул. Мужчина в плохо сидящем костюме дёрнулся, завалился набок и остался лежать на щебне. Под его головой быстро расплзлось тёмное пятно.

Первый пленник тихо застонал и закрыл лицо руками.

— Видел? — спросил человек с автоматом. — Через неделю денег не будет — сам так ляжешь.

Мужчина торопливо закивал. Кажется, он пытался что-то говорить, обещал достать деньги, продать товар или квартиру, но слова слипались и почти не были слышны. Один из бандитов рывком поднял его на ноги и подтолкнул к чёрной машине, стоявшей возле гаражей. Остальные неторопливо двинулись следом.

Мальчик не мог отвести взгляд от лежащего человека.

Он уже видел мёртвых. Несколько лет назад у соседнего подъезда хоронили старуху, и взрослые зачем-то оставили гроб открытым. Но там всё было понятно и правильно: цветы, тихие разговоры, заплаканные родственники. Старуха лежала неподвижно и походила на восковую куклу.

Здесь человек только что смотрел по сторонам, дышал и пытался понять, зачем его поставили на колени. Теперь его не было. Осталось тяжёлое тело в мятом костюме, неудобно подвернувшаяся рука и кровь, уходящая между камнями.

Дима смотрел на него и никак не мог осознать простую вещь: несколько секунд назад этот человек был жив, а теперь уже никогда не поднимется. Никогда не поправит рукав и не вытрет ладонью заросший подбородок. Никогда даже не узнает, за что его убили.

Хлопнула автомобильная дверца. Двигатель негромко заурчал, и машина покатила к выезду со стройки. Двое бандитов остались. Они подождали, пока красные огни скроются за гаражами, затем подошли к телу.

— Слышь, Косяк, а нахрена вообще было бомжа валить?

— спросил один, берясь за ноги убитого.

— А тебе не похрен? — отозвался второй. — Зато этот теперь землю жрать будет, но бабки найдёт.

Только тогда Дима понял, что именно увидел.

Человек в мятом костюме не был никаким должником. Его подобрали где-то на улице, переодели и привезли сюда только затем, чтобы другого убийством. Возможно, бомжу пообещали денег или выпивку. Возможно, он до самого выстрела не понимал, что происходит. Его убили не за долг, не из мести и даже не потому, что он кому-то мешал. Просто понадобился труп, а этот человек оказался никому не нужен.

От этого стало страшнее, чем от самого выстрела.

Бандиты поволокли тело прямо мимо бетонного блока, за которым прятался Димка. Голова мертвеца глухо подпрыгивала на щебне и обломках кирпича. Один раз рука зацепилась за торчащий кусок арматуры, но Косяк раздражённо дёрнул тело дальше.

Димка прижался спиной к холодному бетону и зажал рот ладонью. Его трясло. Хотелось вскочить и бежать, но ноги не слушались, а каждый вдох казался слишком громким.

Мужики приближались.

Он заставил себя оторваться от блока и медленно пополз назад, перенося вес с ладони на ладонь и стараясь не задевать валявшийся под ногами мусор. До угла оставалось всего несколько шагов. За ним можно будет подняться, развернуться и уйти между плитами. Они даже не поймут, что здесь

кто-то был.

Под кедом предательски хрустнул осколок стекла.

Оба бандита остановились.

На несколько секунд стройка замолчала. Даже лист жести наверху, словно назло, перестал хлопать.

— Ты слышал? — спросил один.

Косяк отпустил ноги мертвеца и медленно повернул голову.

— Там кто-то есть.

Димка вскочил и рванул прочь.

— Стоять!

— Лови его!

Он нёсся между бетонных плит, перепрыгивал канавы и скользил на мокром щебне. Ветки бурьяна хлестали по лицу, в груди сразу закололо, но Димка не чувствовал боли. Сзади грохотали тяжёлые шаги, раздавался мат. Один из преследователей требовал, чтобы он остановился, будто после этого с ним можно было о чём-то договориться.

Парень знал стройку лучше их. Он проскочил между двумя покосившимися плитами, перепрыгнул узкую траншею и вылетел к пролому в заборе. Взрослые мужики быстро начали отставать, но от этого не становилось легче. У одного из них был автомат.

Выстрела Дима ждал на каждом шагу.

Он выбрался со стройки, промчался мимо гаражей и пересёк пустырь по едва заметной тропинке. Впереди уже заго-

рались окна первых домов. Во дворе кто-то возился с машиной, женщины разговаривали возле подъезда, на лавке стучали костяшками домино. Обычная жизнь была совсем рядом, и от этого появлялась надежда, что там, среди людей, его не посмеют тронуть.

Только возле первой девятиэтажки Дима рискнул обернуться.

Бандиты больше не бежали. Они стояли у гаражей и смотрели ему вслед. Один что-то сказал другому, затем поднял руку и показал в сторону домов.

Димка проследил за этим движением и впервые подумал, что они уже знают главное.

Они видели, где он живёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.